

В. А. ФИЛИМОНОВ

Н. И. КАРЕЕВ О РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Автор анализирует взгляды Н.И. Кареева на проблему рецепции античного культурного наследия в тесной связи с формированием его общей концепции истории Западной Европы, с пониманием истории как процесса, детерминированного взаимодействием и взаимовлиянием культур в историческом времени и в пространстве.

Ключевые слова: *Н.И. Кареев, античное наследие, рецепция, философия истории.*

Среди многообразия тем греко-римского дискурса Н.И. Кареева философско-историческая проблема рецепции античного культурного наследия в средние века и новое время представляет особый интерес. По замечанию Е.А. Чиглинцева, «в современном гуманитарном знании стало уже общим местом утверждение, что рецепция наследия античности осуществлялась в различных сферах социально-культурной практики во все периоды истории человечества»¹. Но прежде чем это утверждение стало «общим местом», и в XIX, и в XX в. была проведена огромная исследовательская работа и предприняты «попытки обобщить многочисленный накопленный филологами-классиками и искусствоведами эмпирический материал»². Появление трудов Г. Фогта и Я. Буркхардта³ стало дополнительным стимулом изучения этого неоднозначного феномена. Не оставалась в стороне и русская историческая наука – над темой активно работали М.С. Корелин, А.К. Дживелегов, А.Г. Вульфius и др.⁴.

Однако когда мы говорим о вкладе Кареева в разработку проблематики, то не имеем в виду ни введение в научный оборот новых источников, ни разработку сюжетов, по тем или иным причинам не исследованных предшественниками и современниками⁵. Заслугой ученого было сведение всех существующих точек зрения в единую непротиворечивую концепцию, поэтому для него вопрос о рецепции лежит не в плоскости простой эмпирии, а в сфере философии истории, которая, по его мне-

---

¹ Чиглинцев. 2001. С. 166.

² Чиглинцев. 2009. С. 285.

³ Voigt. 1860.

⁴ Корелин. 1892, 1896; Дживелегов. 1908; Вульфius. 1922.

⁵ «На изучаемый предмет, – писал он, – историку приходится смотреть через призму не только источников, но и литературы предмета» (Кареев. 1916. С. 126).

нию, есть универсальный инструментарий для понимания сути любого раздела всеобщей истории, безотносительно времени и пространства, а также для понимания ее общего хода. Кареев писал: «Историк, который желает связать изучаемую эпоху с ее прошлым, должен невольно стать на точку зрения философии истории: он так или иначе обозревает все целое истории и в этом целом ищет место для своей эпохи»⁶.

Начнем с исходного тезиса: для Кареева важно было определиться с понятийно-категориальным аппаратом, т.е. договориться о диапазоне употребления самого термина «рецепция». В литературе того времени, сложилась успешно перекочевавшая и в современную историческую науку тенденция узкой трактовки этого понятия (от лат. *receptio* — принятие) как «восприятие правовой системы и принципов другого государства как основы национального права»⁷. Кареев предлагает расширительное толкование рецепции: «Заимствуются извне не только слова, понятия, изобретения, которых раньше не было ни в языке, ни в мыслях, ни в работе народа, но заимствуются равным образом, и чужие порядки, законы, учреждения. Фактами этого рода полна история народов и в известных случаях для их обозначения употребляется термин – рецепция»⁸. Историк приводит известные в европейской истории факты рецепции: принятие римского права во второй половине средних веков, распространение Кодекса Наполеона, «пересаживание» английских конституционных форм в континентальные страны, уточняя, что «реципироваться могут и другие порядки – административные, судебные, финансовые, церковные, школьные, то есть разные формы организации тех или других деятельностей, существующих в государстве»⁹. При этом Кареев использует ботаническую аналогию («пересадка... с одной почвы на другую или прививка веток, взятых от одного дерева к другому»¹⁰), возражая, однако против буквального ее понимания, ибо «зажигая одну свечу от другой, мы переносим с одной на другую пламя, фитили же и горючий материал обеих свечей остаются разными, у каждой свои»¹¹.

---

⁶ Кареев. 1881б. С. 11.

⁷ Рецепция... 1997. С. 1015. Любопытно, что в лучшей дореволюционной энциклопедии – Словаре Брокгауза и Ефрона – объяснение понятия «рецепция» вообще отсутствует, есть только рубрика «Рецепция римского права», отсылающая к статье «Римское право» (См.: Энциклопедический словарь... 1899. Т. 52. С. 652.)

⁸ Кареев. 1915. С. 268.

⁹ Там же. Например, XXIV глава в «Происхождении современного народно-правового государства» (1908б) называется «Рецепция конституционного строя, ее основные причины и общий ход».

¹⁰ Кареев. 1915. С. 269.

¹¹ Там же. С. 270.

Именно потому, считает Кареев, «античный мир не бесследно прожил свою жизнь для новой Европы ... и падение его было не настолько полно, чтобы мы могли заниматься его историей ради одного отвлеченного интереса»¹². При этом, несмотря на то, что «античная образованность продолжала всегда понемногу питать умственную жизнь средневековья», настоящее «широкое влияние стала оказывать философия и наука древних на умственную деятельность лишь с эпохи классического возрождения...»¹³. Характер рецепции античного культурного наследия в средние века и новое время, стал предметом напряженной рефлексии ученого на протяжении всей его многогранной научной деятельности.

Уже в одной из ранних работ Кареев с позиций становящегося все более близким ему позитивизма, пытался осмыслить феномен европейского Возрождения, проводя параллели между исследуемой эпохой и античностью: «В этом открытии классической древности, в этом стремлении возврата к ней в науке, искусстве и даже жизни и состоит особенность эпохи, о которой идет речь, казалось, возродилась самая жизнь древности, возродился тот дух, который создал прекрасный эпос Гомера, глубокую философию Платона, великие статуи Фидия и блестящую речь Цицерона»¹⁴. Историк находил в возврате общества Возрождения к античным стереотипам поведения и мышления, духовным и жизненным ценностям имманентную особенность этого времени, что представляется важным, прежде всего, в связи с началом формирования кареевской концепции истории Западной Европы, осмыслением роли античной цивилизации в процессе ее генезиса, а также с пониманием истории как процесса, детерминированного взаимодействием и взаимовлиянием культур и в историческом времени, и в историческом пространстве.

Разделяя исповедуемую позитивизмом генеральную идею прогресса, историк выявил характерные черты античного и средневекового индивида (то, что современная наука обозначает термином «менталитет»): «Веселый взгляд на жизнь древнего грека, вечный инстинкт римлянина жить практической, земною жизнью находились в дисгармонии с отвлечением от жизни, от всего земного у средневекового аскета... Идеал древнего грека, главного мастера в пластике, составляет прямую противоположность аскетическому идеалу средних веков: идеал этот здоровое, породистое, красивое в своей наготе тело, вполне наслаждающееся жизнью»¹⁵. Таким образом, уже в ранних работах рецепция античности в ре-

---

¹² Кареев. 1903в. С. 89.

¹³ Кареев. 1903а. С. 121.

¹⁴ Кареев. 1875. С. 1.

¹⁵ Там же. С. 3, 11. См. также: Кареев. 1879. № 21. С. 9-17.

нессансную эпоху трактовалась Кареевым как главный структурообразующий фактор гуманизма.

Во время профессорства в Варшавском университете (1879–1884) вышеозначенная тема получила дальнейшее развитие в серии философско-исторических введений. Развивая версию Буркхардта о рецепции не столько античной древности как таковой, а именно античного индивидуализма, ставшего опорой нового умственного движения – ренессансного гуманизма, Кареев пытается представить античность как один из важнейших источников современной европейской цивилизации, без уяснения которого невозможно понять процессы, происходившие и происходящие в последней.

Эта мысль предвосхитила многие положения докторской диссертации Кареева¹⁶ и нашла развитие в других его работах. Так, во вступительной лекции, читанной студентам Петербургского университета в 1891 г., историк намечает программу расширительного толкования рецепции, справедливо полагая, что «классик, думающий, что ему, как классику, можно и не знать того, что делалось в передовой части человечества, положим, после 476 года по Р. Х., не подозревает целой стороны, открываемой у этого мира с точки зрения всеобщей истории, того влияния, которое мир этот продолжал оказывать и после падения своей цивилизации на историю европейских народов, не говоря уже о том, что непосредственно было унаследовано новыми народами от древних: вспомним хотя бы такие крупные культурные факты из истории Запада, каковы *рецепция римского права, классическая сторона Ренессанса, ложный классицизм в литературе, увлечение античными политическими идеями в XVIII в.*» (курсив мой – В. Ф.)¹⁷.

Разработка Кареевым концепции истории Западной Европы вывели исследование рецепции античности на качественно новый уровень. Анализируя разные стороны влияния греко-римского наследия на европейскую историю, ученый не ограничивает это влияние ренессансной эпохой, расширяя как нижнюю (XII в.), так и верхнюю (XIX в.) хронологические границы этого феномена. Итоги изучения проблемы были подведены в ряде обобщающих работ начала XX века («Главные обобщения всемирной истории», «Общий ход всемирной истории», «Историология», «Историка») и в рукописи «По большой дороге истории»,

---

¹⁶ Кареев. 1883. Чуть позже увидела свет книга Кареева «Литературная эволюция на Западе» (1886), в которой значительное место уделено судьбе классического элемента европейской цивилизации в средние века и в начале нового времени с точки зрения истории литературы.

¹⁷ Кареев. 1891. С. 13-14.

ставшей средоточием результатов теоретических изысканий ученого в области всемирно-исторического синтеза¹⁸.

Приступая к анализу рецепции римского права – первой составляющей из приведенного перечня, Кареев намеренно устраняется от мелочного разбора чисто правовой стороны этого явления. В одном из типологических курсов, рассуждая о юридической традиции, проводившей в сознание средневекового общества принципы римского абсолютизма, он писал: «Известно, что в Италии в XII в. началось изучение римского права, и что оттуда оно стало распространяться в другие страны, вслед за чем произошла так называемая рецепция римского права, т.е. введение его в жизнь. Уже в XII в., отстаивая права светской власти против папских притязаний, Гогенштауфены пользовались услугами юристов. В XIII в. французские «легисты» тоже явились помощниками королевской власти в ее борьбе с феодализмом. Все они были проникнуты монархическими тенденциями императорского Рима и стремились проводить в жизнь основной принцип абсолютизма: “quod principi placuit legis habet vigorem”»¹⁹. В другом месте, говоря о рецепции римского права, «когда вслед за включением его в круг предметов высшего преподавания, оно стало применяться и в самой жизни»²⁰, Кареев делает важное замечание о том, что и католицизм, отрицавший самостоятельность государства своим требованием подчинения светской власти главе церкви, и феодализм, разлагавший государство на почти суверенные поместья, нашли в воспитанных на римском праве юристах («законниках», или легистах, как их называли во Франции) принципиальных противников, поскольку те оспаривали право феодалов на юрисдикцию и упорно «проводили идею монархической власти, как единственного в светских делах источника всякого права и всякого закона», т.е. юридических начал «чуждых католико-феодальному строю»²¹. Несколько ранее, разбирая вопрос о римской традиции в истории королевской власти во Франции, Кареев поясняет, что основавшие государство в Галлии франкские короли, были преемниками римских цезарей, и поэтому римский (имперский) взгляд на власть, никогда здесь окончательно не исчезал и под-

¹⁸ См.: НИОР РГБ. Ф. 119 (Н.И. Кареев). П. 34. Д. 1-25.

¹⁹ Кареев. 1908а. С. 20. В одной из ранних работ Кареев указывал, что «власть феодальных баронов в глазах легистов была узурпацией королевской, и, – что для нас особенно важно, – в римском праве они искали идеи свободы, а не порабощения, как позднее делали это немецкие юристы в эпоху рецепции римского права. У легистов XIII века не было теоретической санкции рабства: в нем видели они результат насилия, в лучшем случае частной сделки». См.: Кареев. 1881а. С. 71.

²⁰ Кареев. 1908а. С. 122.

²¹ Там же. С. 123.

держивался сначала духовенством (аббат Сугерий), а затем возродился в XIII в., «когда короли, начиная с Филиппа II Августа <...> окружают себя юристами, изучавшими римское право: эти "легисты" (законники) были проникнуты политическими принципами императорского Рима, которые и переносили на своих королей, уча, что силу закона имеет то, что благоугодно государю»²².

Укажем здесь на один важный момент. В «Историке» Кареев указывает, что работа ученого-историка «подобна раздергиванию отдельных разноцветных нитей ткани, в результате которого получилось бы объяснение того, в каких комбинациях они дали интересующую нас картину»²³. Разбор деятельности «легистов» может служить иллюстрацией такого «раздергивания», примером пересечения «комбинаций» (в терминологии Кареева – эволюционных рядов). С одной стороны, это одна из вех рецепции античного наследия в средневековой Франции, с другой – один из этапов борьбы французских королей против сеньюров, когда начиная с XII века королевская власть «стала уже прямо наследственной и выступила в роли собирательницы государства, причем начала позднее опираться на города против сеньюров, потом пользоваться услугами легистов, наконец действовать вместе с генеральными штатами, представлявшими собою всю Францию, для окончательного ее объединения»²⁴.

Приступая к анализу характера рецепции античности в эпоху Возрождения, Кареев делает важную оговорку по поводу базовой дефиниции. По его мнению, обозначение умственного движения конца средних веков и начала нового времени как «Возрождение» (Renaissance), является «растяжимым и не вполне точным»²⁵. Он предпочитает использовать термин «гуманизм», ибо нередко «возрождение» узко трактуется как возрождение классической древности, как простая рецепция античной культуры (родоначальником такого взгляда на гуманизм был немецкий историк Фогт), и по существу гуманизм отождествляется с классицизмом. «Вся суть этого явления, – писал Кареев, – большею частью усматривалась в том, что после полного почти в течение средних веков забвения науки и искусства классического мира как бы возродились к новой жизни, и явились люди, которые начали изучать античную литературу, подражать ей, усваивать идеи древней философии и т.п. Сами эти люди,

---

²² Кареев. 1892. С. 113.

²³ Кареев. 1916. С. 59.

²⁴ Кареев. 1892. С. 118. См. также: Кареев. 1893в. С. 57.

²⁵ Кареев. 1892. С. 398. Напомним, что в историческую науку понятие «Ренессанс», употребляемое в широком смысле, ввел Ж. Мишле. Л. Февр называет и «дату рождения» – 1840 год. См.: Февр. 1991. С. 377-387.

однако, называли себя гуманистами, откуда и происходит обозначение всего движения именем гуманизма»²⁶. Эту оговорку Кареев считает необходимой еще и потому, что «развившись первоначально на итальянской почве, гуманизм проник и в другие европейские страны, и что, получивши характер классического “возрождения”, он был, однако, гораздо *шире* простого восстановления классических занятий, и значило бы донельзя сузить смысл всего гуманистического движения, если бы мы стали рассматривать его, лишь по тому значению, какое оно имело для национальной итальянской истории, а перенесенное на общеевропейскую почву – для одного возрождения ученого интереса к классическому миру»²⁷. Именно поэтому рецепция античного культурного наследия для Кареева выглядит как возрождение «изначальных традиций западноевропейской цивилизации с крайне отрицательным отношением к тому, что выработано было самою Западною Европою в средние века»²⁸. Кареев обращает внимание на то, что гуманизм является, прежде всего, продуктом городской (а значит, и более свободной) среды, уже не помещавшейся в прокрустово ложе католико-феодалного быта, а также результатом *индивидуалистических* устремлений нового времени, имеющих корни в индивидуализме, зародившемся на античной почве в греческих полисах. В подтверждение он приводит слова М.С. Корелина: «Гуманистический индивидуализм характеризуется, во-первых, интересом человека к самому себе, к своему внутреннему миру; во-вторых, интересом во внешнем мире преимущественно к другому человеку; в-третьих, убеждением в высоком достоинстве человеческой природы вообще и в неотъемлемом праве человека развивать свои способности и удовлетворять своим потребностям; в-четвертых, интересом к окружающей действительности, поскольку она имеет влияние на человека»²⁹.

Напоминая о том, что, гуманисты были родоначальниками секуляризации теоретического и морального мирозерцания, которая составляет одну из важнейших сторон исторического процесса, начиная с XIV и XV веков, Кареев, находил верной мысль Корелина, что «самый интерес гуманистов к классикам был результатом их стремления найти прочную опору для своих новых мыслей и настроений и готовое орудие для борьбы с представителями старины»³⁰. Поэтому для Кареева очевидная

---

²⁶ Кареев. 1903в. С. 185.

²⁷ Кареев. 1892. С. 327-328.

²⁸ Там же. С. 330.

²⁹ См.: Корелин. 1892. С. 1061.

³⁰ Кареев. 1900а. № 5 С. 105. На это обращает внимание Т.С. Скворцова: URL: http://www3.vspu.ac.ru/historic/internation_hist/publish/skvortzova/skvortz.htm.

рецепция классической древности не цель, а средство, не источник движения, а его опора. При этом он отмечал недооценку влияния возродившейся древности у Корелина, не увидевшего, «что у античных писателей гуманисты познакомились со многими идеями, заимствовали от них и пустили в обращение мысли, которые еще не были порождены жизнью самой эпохи»³¹. Почему именно античность стала «опорой» гуманистического движения? И классическую, и новую европейскую культуру отличает светский характер, тогда как восточное и средневековое мирозерцание имеют в своей основе теологическое начало. Гуманисты, будучи первой светской интеллигенцией в Европе, не могли не сделаться поклонниками античного мира, но это не было слепым увлечением или стремлением возродить древние культурные и социальные формы. Они брали из античного наследия «лишь одно то, что соответствовало их собственным стремлениям»³². К тому же гуманисты не были первыми из тех, кто обратил свой взор к классической древности. Такой опыт сложился еще в догуманистическую эпоху. Кареев еще раз напоминает о рецепции римского права, произведенной королями, боровшимися против феодализма и папства, а кроме этого о схоластической философии, считавшей главным человеческим авторитетом Аристотеля; о демократическом движении Кола ди Риенцо в Риме под лозунгом восстановления древней римской республики. Для историка главная заслуга гуманистов — в умственной эмансипации Европы, поэтому ему вполне понятно их первоначальное стремление к изучению стоиков и эпикурейцев — философских школ, далее всего отстоящих от античной метафизики, отождествлявшейся в сознании интеллектуалов ренессансной эпохи со средневековой схоластикой. Только позднее, становясь, таким образом, предтечами самостоятельной европейской философии, гуманисты приходят к необходимости изучения Платона и Аристотеля.

Не противоречит ли рецепция классической древности сформулированной Кареевым теории исторического прогресса? Ведь как-никак речь идет о движении назад. «С объективной точки зрения, — писал Кареев, — все движения вперед прогрессивны, все реакции — регрессивны»³³. Характеризуя с этих позиций средневековье (именно в этой эпохе впервые обнаруживается рецепция как принятие античных форм материальной, общественной и духовной культуры), Кареев отмечает, что «в

---

³¹ Кареев. 1915. С. 262. Подробнее см.: Кареев. 1893а. № 8. С. 441-466, № 9. С. 5-31, № 10. С. 541-565.

³² Кареев. 1893в. С. 85.

³³ Там же. С. 132.

некоторых отношениях, особенно в первую половину средних веков происходил не прогресс, а регресс техники, которую древние довели уже до большого совершенства», и «только к концу средних веков было сделано несколько важных изобретений и открытий», а также, что «никогда историческое человечество не переживало такого общего кризиса во всех областях культуры, как тот, который происходил в конце древнего мира и в начале средних веков»³⁴.

Однако, по мысли ученого, средневековье не следует считать и временем абсолютного упадка, ибо «постепенная замена древнего рабства средневековым крепостничеством... представляют из себя весьма видную сторону прогресса»³⁵. Если следовать логике Кареева, то никакого противоречия здесь нет, так как прогресс не совершается непрерывно, «в этой сфере постоянно замечаются приливы и отливы творчества и перемены в направлениях...»³⁶. Идеалом реакций является возвращение к менее совершенным формам. В случае же с рецепцией античности в ренессансную эпоху Кареев видит редкий в истории пример, когда «реакция лучшего старого получает благодетельное значение»³⁷. Именно поэтому гуманистическое обращение к древности – факт прогрессивного характера, как прогрессивен и постепенный отход от идущих от нее влияний. Личность сначала должна была развиваться до понимания высокой духовной культуры классического мира, а затем уже смогла выработать собственную культуру, сделавшую излишним постоянное обращение к античности.

Утверждая читателя в мысли о нелинейном характере исторического прогресса, в том, что акции и реакции в истории могут чередоваться, Кареев приводит пример еще одной рецепции классической древности. «В самом конце средних веков, – писал он, – произошло возрождение в обществе интереса к литературе древних, и гуманисты явились проводниками классических влияний в литературу всех западноевропейских народов»³⁸. В XIV в., начиная с Данте, античность начинают изучать ради нее самой, а не для богословских или чисто формальных целей, «не ставя более вопроса об ее язычестве, но увлекаясь ее духом и “приятностью” ее форм, ее языком, стихом, стилем, всеми ее приемами в поэзии и прозе. Это – целое литературное течение нового времени среди других течений, более непосредственно порождавшихся жизнью,

---

³⁴ Кареев. 1903а. С. 66, 97.

³⁵ Там же. С. 13.

³⁶ Там же. С. 96-97.

³⁷ Кареев. 1893в. С. 133.

³⁸ Кареев. 1903а. С. 128.

и такова была его сила, что в конце концов классицизм, который мы называем не без основания ложным (Pseudoclassicismus), заполонил к началу XVIII в. почти всю литературу почти всех европейских наций»³⁹. Негативная коннотация слов «ложный» и «заполонил» показывает отношение ученого к этой рецепции.

Начало опеки государства над духовной культурой (в терминологии Кареева – «меценатство»), он находит в Италии эпохи Возрождения. Итальянская тиранья XV века, по его мнению, в этом отношении имеет немало черт сходства с тиранией греческой, которая также оказывала покровительство поэзии и искусству. Настоящими центрами гуманизма сделались в ренессансную эпоху дворы итальянских властителей, стремившихся в античном духе «прибрать к рукам нарождающуюся умственную силу»⁴⁰. Здесь, как и в греко-римские времена постепенно начинает господствовать дух покровительства литературе и искусству, а интеллектуалы должны были «служить своим меценатам, украшать придворную жизнь, прославлять правление того или другого князя»⁴¹. Опираясь на мнение французского историка Филиппа Монье⁴², Кареев отмечает, что «итальянские писатели прямо отворачивались от народа, как от презренной черни, недостойной внимания и участия к себе со стороны порядочных людей»⁴³. Это вело к тому, что духовная культура нации начала утрачивать характер общественной силы, становясь чересчур аристократичной, и в итоге «приобретала значение одного из аксессуаров придворного быта и орудия, которым в своих целях пользовалась княжеская тиранья»⁴⁴. Распространение культуры итальянского Возрождения в других странах Европы постепенно привело к возникновению королевского меценатства, получившего наивысшее развитие во Франции эпохи Людовика XIV. Именно в правление этого монарха литература получила окончательно придворный и псевдоклассический характер, нашедший законченное выражение и теоретическое обоснование в стихотворном трактате «L'Art poétique» Никола Буало.

Исходя из тезиса, что Реформация расколола историю секуляризации европейской культуры на эпохи Возрождения и рационалистическо-

---

³⁹ Кареев. 1886. С. 213.

⁴⁰ Кареев. 1908а. С. 307.

⁴¹ Там же. С. 308.

⁴² См.: Monnier. 1901.

⁴³ Кареев. 1908а. С. 308. Ср.: «Интеллектуальная элита, какой были и какой в еще большей степени становятся гуманисты, отдаст себя на службу могущественным меценатам и презирает толпу» (Касаткин. http://krotov.info/lib_sec/11_k/kas/atkin.htm)

⁴⁴ Кареев. 1908а. С. 308.

го Просвещения XVIII в., которое Кареев считает «как бы продолжением гуманизма, ослабленного и даже почти исчезнувшего в эпоху религиозных реформации и реакции, но продолжением уже видоизмененным и осложненным»⁴⁵. От Ренессанса Просвещение унаследовало светский дух, уважение к человеческому достоинству, интерес к действительности, рационализм, синтетически соединив в себе наиболее прогрессивные результаты гуманистического и реформационного движения. И если протестанты искали образцы и примеры в истории Израиля, то XVIII веку их давала классическая древность. По Карееву, именно обращение к античности с отрицательным отношением к средневековью, сближает Возрождение и Просвещение: «Новая европейская культура как будто чувствовала свое внутреннее сродство с светской цивилизацией античного мира, нежели с более близким по времени средневековьем, возвращение к которому было всегда зовом реакции, после ли бурь религиозной реформации, или после потрясений политической революции»⁴⁶.

Рассуждения об увлечении в эпоху Просвещения античными политическими идеями нашли место на страницах типологических курсов: «С тех пор как в XIV в. произошло в Западной Европе так называемое возрождение наук и искусств, политическая жизнь греков и римлян стала все более и более привлекать к себе общественное внимание: в ней видели высокие образцы для подражания, образцы гражданской доблести и политической свободы. В особенности было сильно это увлечение идеализированными политическими формами древности во Франции XVIII в., в эпоху просветительной философии и великой революции»⁴⁷. В другом месте Кареев указывает на то, что «вся так называемая просветительная философия XVIII в., в которой видную роль играют новые политические идеи, стоит на плечах гуманистического возрождения, между прочим, пустившего в обращение массу взглядов, обязанных своим происхождением более высокой культуре и государственности античного мира»⁴⁸. Какие конкретно идеи имеются в виду?

Прежде всего, это идея естественного права, воспринятая мыслителями Просвещения и деятелями Французской революции от римских философов-стоиков и юристов. Однако произведенная в XVIII в. в Европе рецепция *jus naturale* не может считаться второй волной рецепции римского права, ибо, указывает Кареев, «учение римских юристов о естественном праве есть дальнейшее развитие греческой философии, а ни

---

⁴⁵ Кареев. 1886. С. 164.

⁴⁶ Кареев. По большой дороге... (Глава «Секуляризация духовной культуры»).

⁴⁷ Кареев. 1903б. С. 148.

⁴⁸ Кареев. 1908б. С. 30.

как не национально-римской юридической традиции с ее исключительностью и формализмом»⁴⁹. Родоначальником учения о естественном праве Кареев справедливо называет Протагора из Абдеры, в рассуждениях которого о человеке как о «мере всех вещей» и об общей человеческой природе осуждалось рабство, оправдывались требования демократии. Его идеи Кареев считает «результатом тех успехов, какие сделаны были индивидуализмом, начавшим развиваться в культурных кругах греческого общества»⁵⁰. Оценивая роль софистов в эволюции греческой культуры, Кареев не может удержаться от сравнения их с итальянскими гуманистами и французскими просветителями, ибо, по его мнению, все они «выступали, как отрицатели старых традиций и рационалисты-вольнодумцы, как представители индивидуализма и критической мысли», являя собой своего рода «внеклассовую интеллигенцию»⁵¹.

От софистов идею естественного права унаследовали позднейшие греческие философы (Зенон, Дикеарх), а затем римские стоики. Указывая на то, что политическая мысль в Риме «отличалась меньшей оригинальностью, чем в Греции, так как вообще в философии римляне были учениками греков»⁵². Под их влиянием римские юристы систематизировали учение о естественном праве (*jus naturale*) и о нравственной справедливости (*aequitas*), поставив во главу угла принцип: «все люди рождаются свободными». Продолжением развития традиции естественного права в новое время Кареев считает философию XVIII в. (Вольтер, Мон-

⁴⁹ Кареев. 1904б. С. 298. Иной точки зрения придерживается современный исследователь Л.Л. Кофанов. «Нередко, – пишет он, – естественное право полностью идентифицируется с *ius gentium*, его появление связывается с необходимостью подведения философской основы под право народов и объясняется влиянием в I в. до н.э. древнегреческой философии, главным образом философии стоиков» и далее приводит ряд аргументов в защиту тезиса об исконно-римском характере *jus naturale*. (Кофанов: www.dirittoromano.narod.ru/Kofanov2009.pdf). Подобная точка зрения была высказана еще в 1876 г. Н.П. Боголеповым и вызвала возражение Кареева: «В книге Боголепова <...> говорится, что юристы реализовали требования *juris naturalis*, но это неверно, ибо они реализовывали лишь те требования естественного права, которые осуществлялись уже правом общенародным, а то, что естественное право требовало одно (уничтожение рабства, отмена частной собственности), так и оставалось лишь теорией» (Кареев. 1904б. С. 299, прим. 1). См. также: Кареев. 1895. С. 115.

⁵⁰ Кареев. 1903б. С. 211.

⁵¹ Там же. С. 213.

⁵² Там же. С. 231. Кареев ссылается на Цицерона, который «определял естественное право, как таковое, которое дается нам не мнением людей, а какою-то врожденною нам силою: “*naturae jus est, quod nobis non opinio, sed quaedam ignota vis inseruit*”». (Кареев. 1904б. С. 298). Здесь Кареев, очевидно, цитирует Цицерона по памяти, передавая, прежде всего, смысл его высказывания. В оригинале: «*as naturae quidem ius esse, quod nobis non opinio, sed quaedam innata vis adferat*» (Cic. De inv. II. 65).

теские, Руссо, Мабли), а высшим воплощением – «Декларацию прав человека и гражданина» 1789 г., в которой традиция трансформировалась в принципы политической свободы и гражданского равенства⁵³. Подчеркивая «боевой характер», который естественное право получило в эпоху Просвещения и Французской революции, ученый указывает на его космополитизм, вытекающий из общечеловеческой природы или разума⁵⁴.

Вторая идея, на которую обращает внимание Кареев, это «просвещенный абсолютизм» (его анализу ученый посвятил целую главу в III т. «Истории Западной Европы»), который с одной стороны может быть истолкован в узком смысле и вписывается в строгие хронологические рамки, а именно «последние пять десятилетий, протекших до начала французского переворота», когда «в большей части западноевропейских государств совершались преобразовательные попытки по инициативе абсолютных монархов или их всемогущих министров в направлении, на коем сказывалось влияние “просвещения” XVIII в.»⁵⁵. Широкое же толкование предполагает, по Карееву, что термин «может употребляться и на самом деле употребляется также в более общем смысле пользования неограниченной властью, руководимого разумом и отличающегося стремлением к высоким целям улучшения государственного и общественного быта, достижения народного блага и т. п.»⁵⁶. В таком значении термин применяют и к деятельности Петра Великого, и к первой половине царствования Александра I, и к эпохе “великих реформ” Александра II – к историческим явлениям, взятым вне второй половины XVIII в. Это обстоятельство, по мнению Кареева, позволяет распространять употребление термина и на греко-римскую историю: «теоретическое его (просвещенного абсолютизма – В. Ф.) обоснование было заимствовано у античного мира, сначала в форме учения римских юристов о том, что богоугодное государю имеет силу закона, так как на государя народ переносит свое право и всю державную власть, позднее в форме античной тирании, главным теоретиком которой сделался Макиавелли»⁵⁷.

В «Государстве-городе» Кареев, анализируя политические идеи древности и, прежде всего, проект идеального государства Платона, где правителями должны стать философы, соединяющие в себе неограниченную власть и любовь к мудрости, прямым текстом говорит, что «это

---

⁵³ См.: Кареев. 1893б. Т. III. Гл. XXXVI; 1908б. Гл. IX; 1904а. С. 142-143; 1895. С. 115-116; 1904б. С. 298 и др.

⁵⁴ См.: Кареев. 1902б. С. 4.

⁵⁵ Кареев. 1893б. Т. III. С. 277.

⁵⁶ Кареев. 1908а. С. 355.

⁵⁷ Кареев. 1893б. Т. III. С. 277.

была своеобразная теория “просвещенного абсолютизма”⁵⁸. То же выражение он употребляет в «Монархиях...», разбирая греческие взгляды на царскую власть в эпоху эллинизма, когда начинают складываться представления о том, что «власть такого царственного человека могла быть абсолютною, под условием ограничения произвола внутренним законом добродетели и разума. Это была своего рода *идея просвещенного абсолютизма* (курсив мо – В. Ф.), и с точки зрения, в силу которой власть должна была принадлежать властительным натурам, особым, от природы предназначенным к господству лицам, собственно говоря, не могло существовать наследственного династического права»⁵⁹. Впоследствии именно эти взгляды на власть греческое общество перенесло на римских принцепсов, «смотря по тому, как пользовался властью государь, он рассматривался, или как царь, или как тиран»⁶⁰. Попыткой философского оправдания абсолютной монархии Кареев, отсылая за подробностями к книге Э.Д. Гримма⁶¹, называет политическую теорию, автором которой был грек из Вифинии Дион Хризостом – убежденный монархист, «считавший единовластие формою правления, наиболее подходящею к такому громадному государству, каким была Римская империя», но бывший при этом «противником тирании, что и доказал своим поведением при Домициане»⁶². Маркируя как эпоху просвещенного абсолютизма время в Римской империи, называемое «обыкновенно счастливым периодом в ее истории», Кареев и императоров 96–180 гг. н.э. называет «настоящими представителями просвещенного абсолютизма», особо выделяя среди них Марка Аврелия, который «был даже не только императором, но и философом, вполне разделявшим мысль Платона, что государства будут процветать, или когда философы будут править, или когда правители будут следовать указаниям философии»⁶³.

---

⁵⁸ Кареев. 1903б. С. 222.

⁵⁹ Кареев. 1904б. С. 143.

⁶⁰ Там же. С. 261.

⁶¹ См.: Гримм. 1901. С. 224–247.

⁶² Кареев. 1904б. С. 261.

⁶³ Там же. С. 252. Ср.: «Последний и чистейший представитель просвещенного абсолютизма, Марк Аврелий передает власть человеку с наклонностями и умственными способностями гладиатора (Коммоду. – В. Ф.). Эпоха просвещенного абсолютизма закончилась» (Гримм. 1901. С. 466). Краткое résumé о развитии монархической идеи в античную эпоху см.: Кареев. 1908а. С. 11–17. С.И. Ковалев (не называя авторов), критиковал эту точку зрения как модернизаторскую: «Буржуазные историки-модернизаторы любят называть правление Траяна “просвещенным абсолютизмом”. Подобная характеристика, будучи неверной по существу, правильно, однако, подчеркивает два момента в политике Траяна: твердость и “благожелательность”. Траян,

Третьей идеей, заимствованной новой Европой, Кареев называет принцип политической свободы, впервые осуществленный античными полисами в своем устройстве. При этом он напоминает о предостережении Монтескье от смешения понятий «свободы в смысле участия в государственных делах и свободы в смысле личной независимости»⁶⁴. Дистанцируясь от крайних оценок Фюстель де Куланжа о том, что «древние не знали индивидуальной свободы», Кареев все же вынужден признать, что в классическую эпоху свобода чаще понималась в первом смысле, нежели во втором. В эпоху Французской революции именно в этих пунктах разошлись две главные партии — жирондистов и якобинцев. Обе они выступали за демократию и республику и были, по словам Кареева, поклонниками «идеализированных республик классической древности». Но если жирондисты «были горячими защитниками свободы личности и боялись всемогущества государства, хотя бы и в республиканской форме»⁶⁵, то «в “единой и нераздельной республике” якобинцев воплощалась для них высшая их идея – идея государства, родственная античному пониманию гражданской общины, пониманию его у Ришелье и у всех практических государственников эпохи абсолютизма, пониманию его, наконец, у Гоббза и у Руссо, из коих последний был, как известно, главным якобинским авторитетом (курсив автора)»⁶⁶. Конкретизируя влияние античных идей на политические взгляды якобинцев, Кареев отмечает, что Сен-Жюст «оставил после себя отрывки сочинения, в котором общественным идеалом выставляется нечто вроде спартанского устройства с полным отсутствием личной жизни или же вроде государства Платона, как известно возведшего на степень идеи древнюю гражданскую общину с полным исчезновением в ней личности гражданина»⁶⁷.

Античное культурное наследие представлено у Кареева как своего рода норма для Западной Европы, где с XII в. происходит рецепция рим-

---

при котором императорская власть достигла максимума устойчивости, действительно мог позволить себе роскошь быть “благожелательным”. Самодержавный по существу характер своего правления он умел сочетать с терпимостью и внешней мягкостью. Поэтому титул “Наилучшего принцепса” (Optimus Princeps), которым наградил его сенат, не был только выражением сервиллизма» (Ковалев. 1986. С. 542).

⁶⁴ Кареев. 1903б. С. 148.

⁶⁵ Кареев. 1900б. С. 201. См. также: Кареев. 1902а. С. 639. В статье Н.А. Васильевой (2007) приведенная нами цитата дана без ссылки на Кареева.

⁶⁶ Кареев. 1892. Т. III. С. 583.

⁶⁷ Кареев. 1918. С. 258. В современной российской историографии к затронутой Кареевым проблеме обращались А.В. Гордон (1995) и Т.А. Черновская (http://vive-liberta.narod.ru/journal/ele_antiq.pdf). На Западе в XX в. появились фундаментальные исследования: Parker. 1937; Bouineau. 1986; Mosse. 1989.

ского права, с XIV в. совершается возрождение наук и искусств, а гуманизм выступает как начало процесса умственной эмансипации, ненадолго прерванного Реформацией и католической реакцией, но нашедшего продолжение в литературном псевдоклассицизме XVII в., в европейском Просвещении XVIII в. и в идеологическом оснащении Французской революции, когда античные идеи налагают свою печать на политическую мысль и общественное настроение. Рассматривая рецепцию как частный случай преемственности, историк исходит из двух теоретических посылок: во-первых, «не всегда более позднее есть *продолжение* более раннего, но очень часто является только его *повторением*»⁶⁸, и, во-вторых, «в общей истории духовной культуры древних и новых народов можно установить два основных ее типа – религиозный и светский»⁶⁹. Для Кареева важно не просто зафиксировать факт рецепции (с этим, в общем-то, никто и не спорил!), а понять мотивы обращения средневековых юристов, гуманистов, литераторов и «просветителей» к классической древности, увидеть всемирно-историческое значение этого феномена и найти ему место в собственной философии истории, которую он, как известно, отождествлял с идеей прогресса. Рефлексия Кареева направлена не просто на разрешение вопроса о месте, которое занимала античность в последующие эпохи. Возводя рецепцию античного культурного наследия в категорию историко-социологическую Кареев, таким образом, достигает номологического знания, что в свою очередь позволяет ему ставить и решать более широкие философско-исторические вопросы: о соотношении преемственности и разрывов в истории, продолжающегося и повторяющегося, и наконец, о соотношении и синтезе линейности и циклизма как архетипичных моделей исторического времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильева Н. А. Французский национальный конвент: опыт активности парламентских объединений // Сайт Севастопольского нац. тех. ун-та. [Севастополь, 2007]. URL: <http://sevntu.com.ua/jspui/bitstream/123456789/223/1/politologiya.84.2007.21-28.pdf>.
- Вульфийус А. Г. Проблемы духовного развития. Гуманизм, реформация, католическая реформа. Пг.: Наука и школа, 1922. 168 с.
- Гордон А. В. Иллюзии-реалии якобинизма // Сен-Жюст Л. А. Речи. Трактаты. СПб.: Наука, 1995. С. 364-391.
- Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 2. Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 466 с.
- Дживелегов А. К. Начало итальянского Возрождения. М.: Польза, 1908. 218 с.

---

⁶⁸ Кареев. 1903а. С. X.

⁶⁹ Там же. С. 97. Примечательно, что с подобными рассуждениями Кареева в какой-то мере перекликаются построения В.Д. Жигунина (2000. С. 38-65).

- Жигунин В. Д. Древность и современность. Человечество на пути к синтезу. Казань: Новое знание, 2000. 233 с.
- Кареев Н.И. По большой дороге истории // НИОР РГБ. Ф. 119. П. 34. Д. 1–25.
- Кареев Н.И. Очерки Возрождения (Renaissance) // Филологические записки (Воронеж). 1875. Вып. VI. С. 1–38.
- Кареев Н.И. Зародыши «Возрождения» в Италии (E. Gebhart. Les Origines de la Renaissance en Italie. Paris, 1879) // Критическое обозрение. 1879. № 21. С. 9–17.
- Кареев Н.И. Очерк истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 года. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1881а. 150 с.
- Кареев Н.И. Введение в курс истории новейшего времени. Варшава: Тип. Ивана Носковского, 1881б. 90 с.
- Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I–II. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883. 856 с.
- Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1886. 338 с.
- Кареев Н.И. Всеобщая история в университете // Историческое обозрение. 1891. Т. 3. С. 1–22.
- Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. I. Переход от средних веков к новому времени. СПб.: Тип. И.А. Ефрона. 1892. 558 с.
- Кареев Н.И. Итальянский гуманизм и новый его исследователь // Вестник Европы. 1893а. № 8. С. 441–466, № 9. С. 5–31, № 10. С. 541–565.
- Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. III. «Восемнадцатый век» и французская революция. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1893б. 618 с.
- Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893в. 176 с.
- Кареев Н.И. Мысли об основах нравственности. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. 177 с.
- Кареев Н.И. М.С. Корелин как историк гуманизма // Русская мысль. 1900а. № 5. С. 100–112.
- Кареев Н.И. Учебная книга новой истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900б. 338 с.
- Кареев Н.И. Французская революция // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902а. Т. 72. С. 627–657.
- Кареев Н.И. Нужно ли возрождение естественного права? // Русское богатство. 1902б. № IV. С. 1–15.
- Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903а. 148 с.
- Кареев Н.И. Государство-город античного мира. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903б. 348 с.
- Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903в. 303 с.
- Кареев Н.И. Беседы о выработке мирозозерцания. 5-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904а. 168 с.
- Кареев Н.И. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904б. 395 с.
- Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908а. 452 с.

- Кареев Н.И.* Происхождение современного народно-правового государства. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908б. 496 с.
- Кареев Н.И.* Историология (Теория исторического процесса). Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
- Кареев Н.И.* Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. 281 с.
- Кареев Н.И.* Великая Французская революция. Пг.: Т-во А.Ф. Маркс, 1918. 418 с.
- Касаткин А. А.* Культ латыни в эпоху Возрождения (генезис и исход) // Сайт «Библиотека Якова Кротова». [Л., 1986]. URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kas/atkin.htm
- Ковалев С. И.* История Рима. Курс лекций. // Сайт Центра антиковедения СПбГУ. [Л., 1986]. URL: <http://www.centant.pu.ru/sno/lib/kovalev/II/7.htm>»
- Корелин М. С.* Очерки итальянского Возрождения. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1896. 360 с.
- Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. I–II. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1892. 1088 с.
- Кофанов Л. Л.* Право природы в концепции римских юристов и Цицерона // Сайт Новосибирского филиала Центра изучения римского права. [М., 2009]. URL: www.dirittoromano.narod.ru/Kofanov2009.pdf (время доступа 20.09.2011).
- Рецепция // Большой энциклопедический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 1015.
- Рецепция римского права // Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1899. Т. 52. С. 652.
- Скворцова Т.С.* Культура Возрождения в научном наследии и преподавательской деятельности Н.И. Кареева // Сайт Воронежского гос. педагогического ун-та [2005] URL: http://www3.vspu.ac.ru/historic/internation_hist/publish/skvortzova/skvortz.htm.
- Февр Л.* Как Жюль Мишле открыл Возрождение [1950] // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 377–387.
- Черновверская Т. А.* Античность в политическом дискурсе якобинцев и проблема понимания // Сайт Vive Liberta. Великая Французская революция. URL: http://vive-liberta.narod.ru/journal/ele_antiq.pdf (время доступа 20.09.2011).
- Чиглинцев Е.А.* О рецепции античного культурного наследия в XX веке // Античность в современном измерении. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2001. С. 166–168.
- Чиглинцев Е.А.* Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. 289 с.
- Voineau J.* Les toges du pouvoir (1789-1799) ou la Révolution de droit antique. Toulouse: Association des Publications de l'Université de Toulouse-le-Mirail et éd. Eché, 1986.
- Burckhardt J.* Die Kultur der Renaissance in Italien. Lpz., 1860.
- Monnier Ph.* Le quattrocento: essai sur l'histoire littéraire du XVe siècle italien. Paris: Perrin et Cie, 1901.
- Mosse C.* L'Antiquité dans la Révolution française. Paris: Albin Michel, 1989.
- Parker G.* The Cult of Antiquity and the French Revolutionaries. Chicago: University of Chicago Press, 1937.
- Voigt G.* Die Wiederbelebung des klassischen Altertums. Berlin: Reimer, 1859.

Филимонов Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета; klub-nica@yandex.ru